

Измайлов Александр Алексеевич

Черный ворон

Первая книжка рассказов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
Черный ворон: Первая книжка рассказов / Измайлов Александр Алексеевич –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 375 с.

ISBN 978-5-519-86876-1

ISBN 978-5-519-86876-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вотъ что услышалъ я отъ стараго монаха въ этотъ декабрьскій вечеръ въ стѣнахъ монастырской гостиницы...

II

— Въ монастырѣ я уже двадцать седьмой годъ, началъ рассказчикъ, — да до рясофора это случилось годовъ за десять. Семья у отца была большая, самъ-же онъ былъ человѣкъ маленькій, служилъ дьячкомъ въ селѣ и жилъ въ скудости и безживотіи, такъ что только старшему изъ насъ довелось попасть въ бурсу и поучиться, а остальные такъ невѣждами и остались.

Сестры мои разошлись по родственникамъ, братья очень скоро зажили каждый своимъ домомъ, а я, какъ меньшей, пребывалъ со своимъ отцомъ въ селѣ да помогалъ ему по службѣ. На ту пору жилъ съ нами и другой мой братъ постарше — Антонъ. Человѣкъ онъ былъ дѣльный и Богомъ не обиженный, но обуреваемъ былъ пьянственной напастью и надолго ни на какомъ мѣстѣ не могъ зажитья. Ходилъ онъ больше по монастырямъ и служилъ въ нихъ послушникомъ, а когда такое житье не въ мочь становилось, бросалъ свою келью и послѣ запоя къ отцу являлся, чтобъ прожить у него, покуда тотъ не прогонитъ.

Какъ-то по зимѣ съѣздилъ отецъ въ сосѣднее село на базаръ. Село было куда нашего повиднѣе, и каждый мѣсяцъ туда видимо-невидимо цыганъ наѣзжало барышничать. Вернулся отецъ и привезъ съ собой какого-то старика незнаемаго. Повстрѣ-

чалъ, говорить, на дорогѣ, и жалость взяла. Морозъ крѣпкій, и ночь спускается, а человѣкъ въ какихъ-то лохмотьяхъ идетъ, палкой подпирается и самъ съ собой ведетъ бесѣду немолчную. Отецъ у меня былъ сердобольный, перекинулся съ нимъ словомъ, узналъ, что тотъ ему попутчикъ и посадилъ на телѣгу. А какъ къ дому подѣхали, видить онъ, что странный человѣкъ совсѣмъ сникъ и едва языкомъ двигаетъ, самъ же весь окостенѣлъ и застылъ. Не захотѣлось отцу брать грѣха на душу и принялъ онъ незнакомаго гостя къ себѣ на ночлегъ.

Чудной это былъ гость, и разсматривалъ я его съ большимъ любопытствомъ. Лѣтъ ему, видно, много; самъ же онъ сгорбленъ и сухъ, и сѣдые нестриженные волосы во всѣ стороны торчатъ, словно перья. Глаза какъ-бы больные и слезятся, но смотрятъ проникновенно и пытливо, и все лицо точно землей подернуто, — черно и мрачно. Держить онъ себя какъ-то безпокойно, и весь вѣчно въ движеніи, — руками машетъ, глазомъ мигаетъ, и по губамъ судорога бѣгаетъ... Посидѣли мы съ нимъ съ часъ, и всѣ сразу увидали, что не простой онъ человѣкъ, а либо больной, либо вовсе съ максимцемъ, либо самъ на себя дурь напускаетъ. Говоритъ неудобовразумительно и словно загадку загадываетъ, а нѣтъ-нѣтъ и вставить отъ божественныхъ писаній и зачнетъ креститься. Спрашиваетъ его отецъ, кто онъ такой и къ какому дѣлу себя приспособилъ, а онъ въ отвѣтъ:

— Я, говорить, — человѣкъ отъ земли перстенъ.

Малъ бѣхъ въ братіи моей и страненъ сыновомъ матери моея... Хожу изъ града въ весь и изъ веси въ дебрь лѣсную. Взыскую града грядущаго.. Несу, говоритъ,—подъ ветхимъ лохмотьемъ сердце гнѣвное. Кому возвѣщу веселье, кому скорбь... Иду съ обличеніемъ и наказаніемъ и ревностью пополаюсь..

— Чѣмъ же ты, спрашиваетъ отецъ, питаешься, коли ничего, кромѣ обличеній не дѣлаешь?

— Смотрите, говоритъ,—кринь сельныхъ, како цвѣтутъ... Мнѣ многого не надо: я всѣхъ отщетихся и вмѣняю вся уметы быти, да Христа пріобрещу.. Что дадутъ, тѣмъ я и сытъ. Да и разные есть люди: не всѣ гадову душу въ тѣлѣ человѣческомъ носятъ, иные и ангельскую... Искушается ангельская душа въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ золото въ печи, а бѣсовская пагубу заслуживаетъ. Всѣ люди либо бѣсы, либо ангелы... Знайте, говоритъ,—это, только никому не говорите... И вотъ эти-то ангельскія души не дадутъ ни съ голоду помереть, ни съ холоду замерзнуть... Иду и дерзаю, и въ лѣсъ къ звѣрямъ вступаю безтрепетною ногою... Нынѣ мнѣ сапоги дали, а то я босой по снѣгу хожу...

Братъ мой Антонъ продерзостенъ былъ и на языкъ неводержанъ. Усмѣхнулся онъ и спрашиваетъ:

— А ты, говоритъ, — самъ-то бѣсъ али ангелъ во плоти?

Видю я, старика всего передернуло, и палка у него по полу мелкую дробь забила. Глаза налились, и лицо еще больше потемнѣло.

— Сказаль бы, говорить,—я тебя слово, да жаль тебя за твое несмысліе. Не отметаю безумному безумія его, да не подобеньъ ему буду... Пусть, говорить, — твое тщегласіе на твою голову ляжетъ. Меня оно не опоганить, и ангелъ мой благостно простить тебя, невѣгласа. Многи скорби праведнымъ... И не то еще мнѣ перенести слѣдуетъ. Отъ юности моя врагъ мя искушаетъ.

Антонъ же не унимается и все больше его подзадориваетъ:

— Что же, говорить, — въ какомъ видѣ врагъ тебя беспокоитъ?

Старикъ на него не смотритъ, а только глазами мигаетъ, крестится да опять отъ писаній продолжаетъ:

— Дадеса ми, отвѣчаетъ, — пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ... Днемъ козни строить, ночью нападаетъ со всѣмъ стремительствомъ. Вотъ только этимъ посохомъ отражаю... Пужается и оскудѣваетъ духомъ... Какъ очи завелъ, онъ ужъ тутъ... Потому я и ночей не сплю. На часъ забылся,—и ладно, а то все сижу и палкой машу и „да воскреснетъ“ читаю. Будетъ время, и я его погибели посмѣюся...

III

Побесѣдовали мы подобающимъ образомъ, а потомъ и спать собрались. Отецъ говорить:

— Укладывайся, спать будемъ...

И рогожку ему на полъ разостлаль, и шубу далъ укрыться, а его промокшую одеженку надъ печкой

посохнуть развѣсилъ. И разъ ему сказалъ и другой, а старикъ все мѣшкаетъ, подъ конецъ-же и напрямикъ объявляетъ:

— Я, говоритъ — спать не буду, потому что во снѣ я притрепетенъ, и онъ моимъ соннымъ безмолвіемъ воспользуется. Онъ вѣдь, яко левъ рыкая ходитъ... Да напалъ на человѣка препоясаннаго и посрамился...

Попробовалъ его отецъ уговорить,—не сдается онъ и стоитъ на своемъ. Загасили мы огонь, залѣзли по своимъ мѣстамъ и только что глаза завели,—слышимъ, ворчитъ дѣдъ. То кому-то грозить, то молитву читаетъ. Отецъ его остановилъ разъ и другой,—тотъ затихнетъ, а потомъ его вдругъ опять прорветъ, и опять онъ что-нибудь выкрикнетъ. Братъ мой въ сердце вошелъ и злобно ему говорить:

— Коли ты, говоритъ,—старче праведный, молчать не умѣешь, такъ вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Псалмы мы и безъ тебя знаемъ, а если ты намъ хочешь мѣшать, такъ забирай свою сомовью шубу и ступай по произволению.

Смотримъ, старецъ нашъ и въ самомъ дѣлѣ уходитъ собирается. Досталъ съ печи свою одежку и въ потьмахъ шаритъ, — сапоги розыскиваетъ. Отецъ его окликаетъ и останавливаетъ.

— Оставайся, говоритъ,—это зря сказано. Куда ты, шалый, на морозъ пойдешь? Никто тебя не гонитъ, только и ты не умничай...

А онъ, слышно, всталъ и по горницѣ ходить и дерзостный отвѣтъ держать:

— Нѣтъ, говорить,—ухожу, и прахъ отъ ногъ отрясаю... Да будетъ домъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живой... А мнѣ пострадать радостно... Смиряю и порабошаю тѣло мое, а духъ, какъ факелъ, возгарается... Только, говорить, горе граду, избившему пророки... Се азъ на тя Гогъ и Магогъ!.. Почто изыдoste на мя съ дреколиемъ?

Слѣзь Антонъ съ печи, и самъ не радъ, что старика обидѣлъ, потому, въ самомъ дѣлѣ, жутко его, что скотину, на морозъ выгнать. Но тотъ палкою машеть и воинствуетъ.

— Не подходи, говорить.—Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте... А отмщеніе за меня воздамъ не я... Велия скорбь, якова не бысть, ниже имать быти. Черные вороны и летучія мыши... Ишь ихъ сколько!.. Кш!.. И да бѣжать отъ лица его!.. И да бѣжать, и да бѣжать!..

Одѣлся и впрямь вышелъ изъ избы, и все бормочеть и палкой стучить. Отецъ съ лежанки сошелъ и даетъ мнѣ тулупъ.

— Накинь, говорить,—и верни его. Нельзя-же его впрямь на метель пустить,—замерзнетъ.

Наскоро засвѣтилъ я фонарь и за порогъ вышелъ. Вижу: вьюга гудить, и снѣжная пыль кружить и въ лицо бьетъ, а онъ уже шагахъ въ двадцати на дорогѣ: и что-то говоритъ, и кому-то угрожаетъ. Окликнулъ я его, а вѣтеръ чуть съ ногъ не сшибаетъ и огонь въ фонарѣ загасилъ. Жутко мнѣ стало въ такой тьмѣ непроглядной

и холодно, а я ужъ почти дремалъ и съ просонья все это словно въ туманѣ созерцаю. Едва отыскалъ я скобину дверную и скорѣй на полати...

— Ложитесь, говорю, — чего съ нимъ, шалопутомъ, хороводиться...

IV

Какъ это по ученому, сударь, выходитъ, я не знаю, и имѣетъ-ли этотъ старецъ какое касательство къ тѣмъ событіямъ, о коихъ я вамъ сейчасъ повѣствовать буду, — не вѣдаю, но самъ я, простецъ, и всѣ у насъ на селѣ полагали, что этотъ случай по его винѣ приключился. Дѣло все въ томъ, что на другой день, этакъ послѣ вечерни, на нашей сельской церкви, на колокольнѣ, у самага верха, подъ крестовымъ шаромъ, завязъ воронъ. Этой птицы у насъ на кладбищѣ всегда было много. Порой, бывало, Богъ вѣсть съ чего разлетаются по всему селу съ крикомъ и гамомъ, и носятся безъ утомону туда и сюда, что шальные. И ужъ какъ это вышло, не могу сказать, но попалъ воронъ лапой въ трещину на верху колокольни, гдѣ желѣзные спай отъ ветхости раздвинулись, — и повисъ внизъ головой. Птица большая и сильная, но гдѣ-бы ей умомъ брать, — она въ перепугѣ и отъ боли мечется и зря возстязуется. Тянется изо всѣхъ силъ впередъ, и упереться ей нельзя, чтобы ногу оторвать, а голова затекаетъ и книзу клонить. Рвется, рвется и обезсилѣетъ, и виситъ, широко крылья раскинувъ, а потомъ опять съ духомъ соберется, — „ну, въ послѣдній

разъ, думаетъ“, — и снова бьется, и трепещетъ и нудится...

Воронье кругомъ летаетъ и въ жалостномъ страхѣ кричитъ, и на крикъ собралось съ села много народу. По началу потѣшались, — потому грубый у насъ народъ и жестокий, — а потомъ и жалко и жутко стало. Такъ-же вотъ точно порой и чѣловѣкъ... Попадетъ въ бѣду и ужъ неминуемо погибнуть долженъ, и сбоку ужъ всѣмъ видно, что онъ сгинетъ, а онъ еще все силится, и счастье пытается, и мыслить, что вотъ-де, можетъ, послѣднее усилие, и придетъ спасенье, а это-де пустяки, что всѣ суставы переломаны... И самое страшное то, что со стороны-то чѣловѣкъ это видить, а ужъ ничего сдѣлать не можетъ, только смотрѣть долженъ да сердцемъ казнить. Такъ вотъ и тутъ... Колокольня высока, и къ птицѣ ни на какой лѣстницѣ не влѣзешь, да она того и не стоитъ; камнемъ-же ее не сшибешь и съ ружья не пристрѣлишь, потому того-гляди въ крестъ попадешь, и озорство выйдетъ...

Постояли мужики, поговорили да такъ и рѣшили уйти ни съ чѣмъ. Авось-дескать къ утру самъ либо ногу съ мясомъ оторветъ, либо удачно ее повернетъ и вырвется. Только, какъ стали расходиться, староста нашъ и говорить:

— Это не къ добру: Воронъ, говоритъ, всегда не къ добру, а на церкви особливо. Поганая птица... Когда Христа распинали, вороны гвозди носили. Ужо посмотрите, что-нибудь неладное выйдетъ.

Помню на утро, какъ проснулся я, одолѣло меня любопытство, — дай, пойду, посмотрю на узника. Поди, вырвался, думаю. Но какъ только вышелъ изъ избы, — а жили мы отъ церкви совсѣмъ неподалеку, — такъ и вижу, все еще тутъ, бѣдняга. И показалось мнѣ, будто онъ все рвется и крыльями машетъ, но поближе подошелъ, понялъ, что птица ужъ за ночь сдохла, и это ее безпокойный вѣтеръ колышетъ. На косогорѣ у насъ всегда вѣтры... Днемъ ужъ это дѣло было, и кругомъ свѣтло было и чисто, потому снѣгу за ночь намело, а какъ позадумался я, такъ опять по вчерашнему жутко стало... Богъ его знаетъ что... И жаль-то птицу, и нивѣсть чего-то трепетно, и тутъ какъ разъ вспомнился этотъ шальной старикъ и то, что онъ про какого-то черного ворона сболтнулъ. Самъ себя утѣшаю; говорю, что это онъ совсѣмъ зря, а въ головѣ все та-же дума сидитъ, — и черный воронъ, и летучія мыши, и этотъ старикъ, не то разстрига какой, — не то раскольникъ.

Разсказалъ, конечно, отецъ по селу про своего гостя. И что тотъ про ворона говорилъ, тоже повѣдалъ. Заахали мужики. Въ одинъ голосъ заговорили, что это не къ добру... Поразспросилъ отецъ, не просился ли къ кому въ ту ночь нашъ гость, — никто не признался. Заѣзжалъ къ намъ сосѣдній урядникъ, спросили у него, не находили ли въ ихъ селѣ замерзшаго человѣка. Вышло, что никого не находили... Отлегло у моего отца отъ сердца...

V

Воронъ висѣлъ и сохъ. Въ вѣтренные дни его въ сторону колыхало, и казалось, будто онъ все еще живъ и хочетъ улетѣть, но не можетъ, — и по вечерамъ отъ этого дѣлалось жутко. Въ снѣжные дни его заносило снѣгомъ, а послѣ оттепелей онъ своимъ бокомъ прилипалъ къ зеленому желѣзу остраго купола. Ужъ и попривыкать къ нему на селѣ начали. Днемъ, къ примѣру, подведутъ къ церкви цыгана, что съ сосѣдняго села ѣдетъ, показываютъ на ворона и спрашиваютъ:

— Ты, говорятъ, не знаешь, что это за штука?

— Знаю, отвѣчаетъ.

— Такъ кто же, молъ, это?

— А это, говорить, — вырона...

— Ну, вотъ, смѣются, — и ты такой же черный, какъ эта вырона...

И хохочутъ надъ нимъ во все горло, а какъ вечеръ наступитъ, такъ всѣ и норовятъ отъ церкви подальше... Поскорѣй проходятъ и крестятся... И какъ вамъ угодно, называйте меня суевѣромъ или нѣтъ, — только пошли у насъ по селу дѣла, о какихъ въ нашемъ тихомирномъ уголкѣ доселѣ никогда слыхомъ не слыхать было. Тихій и ужъ немолодой мужикъ свою жену, нивѣсть съ чего, удушилъ, а потомъ въ овинѣ на веревку подвѣсилъ, и самъ сосѣдей въ овинъ позвалъ; черезъ недѣлю же во всемъ повинился. Потомъ дьячкову жену въ колодецъ нашли, — не то сама кинулась, не то по нечаянію упала. У старшины двое взрослыхъ сы-